

Вера Петрук

**Сага о халруджи. Чужая
война. Книга третья**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
ПЗ1

Петрук В. А.

Сага о халруджи. Чужая война. Книга третья / Петрук В. А.;
худ. Петрук А. А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 402
с.

ISBN 978-5-532-93366-8

Прошлое врывается в трудную жизнь Арлинга, втягивая его в войну кланов древнего ордена, поклоняющегося богу-змею. Связанный клятвой халруджи, он должен сделать выбор между господином, ставшим ему другом, и учителем, который наделил его тайным знанием вопреки запрету ордена. Сможет ли Арлинг понять, на чьей он стороне, и снова поверить в любовь? Третья книга из "Саги о халруджи".

Содержание

Глава 1. Пески Холустая	4
Глава 2. Западня	51
Глава 3. Столичные гости	74
Глава 4. Цирк уродов	118
Глава 5. Плохие известия	159
Глава 6. Голоса в каньоне	189
Глава 7. Керхи	217
Глава 8. Великий судья	247
Глава 9. Когда поднимается ветер	289
Глава 10. Туманная башня	344

Глава 1. Пески Холустая

Сикелия, последнее завоевание великой Согдариийской Империи, простиралась широко, от побережья Тихого моря на Западе до Гургаранских гор на Востоке, и была похожа на большое пятно солнечного света, присыпанное золотой пылью.

Гряда Гургарана разрезала Сикелию с Севера на Юг – словно жестокий бог выдрал из сухой земли каменный хребет, обнажив его перед высоким синим небом. Кучеяры называли Гургаран «Царскими Вратами» и считали границей, отделяющей мир людей от мира демонов.

На севере долина Сикелии была окаймлена отрогами Исфакана, а на юге начиналось Шибанское нагорье, славное крутыми холмами и волнующими ландшафтами.

Но сердце сикелийских земель было пустым и ровным. Там раскинула свои дюны самая большая пустыня Согдариий – Карах-Антар, что по-кучеярски означало «Белые Пески». Дожди добирались туда редко. Раскаленный воздух и палящее солнце тщательно охраняли ее владения от случайных путников. На золотых дюнах Карах-Антара давно господствовали песчаные бури и керхи – дети пустыни, которые умели выживать там, где не было ничего живого. Караванщики обходили Белые Пески стороной, опасаясь коварных самумов, диких кочевников и злых пайриков, демонов, которые, согласно поверьям, населяли каждый бархан и охраняли подступы к Гургарану.

На западном побережье Сикелии зной смягчался морским ветром, а под безоблачным небом всегда царила весна. Когда-то там в изобилии росли хлебные деревья, виноград и финиковая пальма. Кучеяры верили, что бог сотворил верблюда и пальму вместе с людьми из одного куска глины, поэтому ласково называли горбатого зверя братом человека, а дерево – сестрой.

Но после тысячелетнего наступления пустыни от плодородных земель осталась лишь узкая полоса вдоль побережья Тихого Моря. Только долина реки Мианэ еще выдерживала натиск песков. Между отрогами Холустая, сопровождавшими берега Мианэ, протянулся

оазис, который давал жизнь самому дальнему городу Согдариийской Империи.

Балидет раскинулся в дельте реки, соединяя Согдарию с Шибаном, царством корабелов, и Песчаными Странами, с которыми уже многих веков велась успешная торговля. Каждый день через крепость проходили богатые караваны, следующие в центральные города Сикелии. Балидет процветал, не зная бед кроме набегов пустынных разбойников и выплаты годовой дани Согдариин. Впрочем, они не были в тягость: керхи никогда не нападали на сам город, довольствуясь грабежом караванов, а дань легко покрывалась за счет пошлины, которую Торговая Гильдия Балидета взимала с проходящих через ее земли купцов.

Только сумасшедший мог бросить вызов Согдариийской Империи, которая подчинила все соседние земли и жадно поглядывала на те, которые прятались за горизонтом – Шибан, Арвакское Царство и Песчаные Страны. И хотя ноги колосса уже превращались в глину, его военная мощь еще была велика. Регулярная армия бдительно охраняла колонии Империи, а репутация элитного отряда Жестоких, которых в Сикелии помнили за беспощадную резню, учиненную ими при захвате Самрии много веков назад, была столь же грязной.

Никто не ожидал, что Жемчужину Мианэ дерзко украдут из короны императора. Когда к стенам крепости подошла многотысячная армия, явившись, словно мираж из Карах-Антара, купцы Балидета без сопротивления сдали город на милость победителя. Но загадочный Маргаджан не пробыл в крепости и месяца, выступив на соседний город Муссаворат. Белый Город не мог сравниться с блеском Балидета, но славился соляными рудниками и солеварнями, поставляя соль даже на северный континент.

«Пустыню питает не дождь, а кровь человеческая», – сказал как-то иман. В Муссаворате должно было случиться побоище, каких давно не было в этих местах. Но его можно было предотвратить – Арлинг мог завершить миссию Беркута и убить Маргаджана.

Однако, как и купцы Балидета, он предпочел сдаться.

Монтеро, который когда-то был его лучшим другом, но по прихоти судьбы стал разбойником Маргаджаном, не был виновен в

смерти Магды. Халруджи потребовалось много времени, чтобы понять это. Но с пониманием простой истины не пришло прощение. Даррен захватил не просто один из городов Сикелии. Он взял стены личной крепости Арлинга, где на протяжении многих лет Регарди успешно выдерживал осаду прошлого. И сейчас оно дикой ордой ворвалось на улицы его жизни, растоптав то, что, казалось, имело смысл и порядок.

Халруджи мог сразиться с диким керхом, устроить драку с учениками Шамир-Яффа, вступить в бой с етобаром, но он не мог поднять руку на Даррена Монтеро, который неожиданно нашел его в песках Сикелии. Прошлое было неприкосновенно.

Обоз тряхнуло, вернув Арлинга туда, где он находился последние дни – в крытую повозку, груженную мешками с маисом. Там пахло зерном, пылью и затхлостью, было тесно и невероятно жарко. Холст, который накрывал обоз сверху, накалялся днем так, что Регарди казалось, будто его заживо запекали в большой печи. Полотно не спасало от песка, который проникал повсюду, скрипя на зубах и забиваясь в одежду. В одном из мешков маис оказался заражен клопами. Спасаясь от жары, насекомые переселялись на днище обоза, а также на Арлинга. Клопов приходилось терпеть, потому что рядом с обозом шли наемники из керхов, а слух у детей пустыни был острым. Регарди изображал мешок и не двигался.

Задумавшись, он не заметил, как они свернули к руслу соляной реки, протекавший неподалеку от плотины Мианэ. Скоро будут источники Холустая, а значит, привал. День близился к концу. У Холустайского Ключа он покинет Маргаджана, чтобы больше никогда не вспоминать о нем. Это была не его война.

Плотина слышалась совсем близко. Вода уже не шептала, а переговаривалась в полный голос, маня долгожданной прохладой. Увы, им было не по пути. От плотины дорога поворачивала к окраинам оазиса – туда, где велись нескончаемые бои песков и илистого чернозема. Муссаворат давно поглотила пустыня, и армии придется пройти сложный безводный участок, чтобы до него добраться.

Воздух стал суше, а голос Мианэ тише. Холодало. Халруджи пролежал без движения почти два дня и теперь чувствовал себя

засохшей корягой саксаула. Раньше подобные упражнения давались легче. Регарди мог справиться с жаждой и затекшими конечностями, не замечать укусы насекомых и зуд на спине, где колдун Даррена оставил свою метку, но он не знал, как прогнать мысли, которые незаметно вползали в голову, оставаясь там надолго. «Чистота сознания – первое условие победы», – писал Великий Махди, обрекая его на поражение.

В голове Арлинга пахло песком, горячей кожей септоров, пыльными досками сцены, сладко-горькими лилиями, едкими мазями и грязной одеждой Мертвого Басхи. В реве самума тонул хриплый голос Даррена, а на языке стоял привкус пепла от сгоревшей школы. Прах Беркута жег его сердце, а воображение рисовало Сейфуллаха, убегающего от стрелы драганского лучника. Это был неправильный образ. Аджухам никогда не убегал. Мысли взметнулись, словно песок на гребне бархана, и в голове родилась другая картина. На ней Сейфуллах неподвижно лежал под кустом чингиля с саблей в руке, утыканный с головы до ног стрелами.

От мрачных мыслей Регарди отвлекли насекомые. Когда один из керхов, идущих рядом, заговорил, ему удалось незаметно смахнуть кровососов с лица. Днем обоз раскалялся до такой степени, что Арлинг с нетерпением считал минуты до следующего глотка настоя из семян портулака. Бурдюк с напитком был прощальным подарком имана. Пустынные кочевники добавляли портулак в воду, считая, что его семена уменьшают жажду. Арлинг им не верил. Пить хотелось каждую секунду.

Несмотря на жару и затекшее тело, он был доволен. Даррен довез его почти до Холустая. Сам бы он так быстро до песков не добрался. Раньше Регарди приходилось бывать в пустыне одному, но никогда от этого не зависела жизнь другого человека. Устав думать о том, как ему найти Сейфуллаха в землях, где Аджухам родился, а он, Регарди, до сих пор был только гостем, причем нежеланным, Арлинг прогнал все мысли, наслаждаясь звоном пустоты в голове и шелестом колес по песку. Пусть случится то, что должно случиться. А дальше он будет импровизировать.

Обычно керхи говорили мало, но сейчас слова лились из них непрерывным потоком. Арлинг различил знакомый диалект и прислушался.

– Старший хочет, чтобы мы пили Мокрый Камень. Да я лучше останусь на дороге самума, чем стану еще раз участвовать в мерзком колдовстве северян. Летящие с Ветром отдали Карателю свои луки, но не души, хчапаран! Пусть пайрики сожрут его ноги! Хчапаран!

– Не вой, или Скользящий вырвет тебе язык! Помни, чьим голосом говорит Каратель. Сам Некрабай хочет, чтобы ты положил в рот этот камень. И так сделают все Летящие с Ветром, потому что в ущелье был брошен кинжал бога.

– Некрабаю нет до нас дела, – пробурчал первый керх, но уже спокойнее. – Да, «Смотрящий Вперед» был брошен, и я сделаю то, что должен. Но зачем колдовать, когда можно обойтись бурдюком с водой? До Муссавората не так уж и далеко. И почему Индиговый выбрал людей с Севера? Они же глупее песчанок. Хчапаран! Скорей бы привал. Надеюсь, мы будем глотать этот камень не на пустое брюхо.

Арлинг мало что понял из слов керха, но услышанное ему понравилось. Похоже, армия пользовалась каким-то наркотиком, который придавал наемникам силы. Может, это и был секрет Маргаджана, который помог ему перейти Карах-Антар? Не сам же Нехебай спустился с Гургарана, чтобы провести захватчиков через раскаленные дюны. Не верил он в мистику.

Когда обоз, наконец, остановился, плотины Мианэ уже не было слышно. Теперь они находились во владениях смерти. Арлинг еще не выбрался из обоза, но уже ощущал пустыню всем телом. Дикая бескрайняя равнина под высоким куполом звездного неба. Холодный, пронизывающий до костей воздух ночи. Охристый песок, лениво перекачиваемый ветром. Тихий голос соляной реки Холустай, на берегах которой разбивала лагерь армия Даррена. Волны дюн плескались совсем близко, и где-то между ними затерялась тропка, которая должна была отвести его к Сейфуллаху. Шакал, который выл все время, пока они продвигались вдоль реки, замолчал. Повисла пронзительная ночная тишина, и многоголосая толпа

людей была не в силах ее нарушить. Человек в пустыне всегда был меньше песчинки.

Арлинг надеялся, что никому не понадобится маисовая крупа из его обоза. По крайней мере, в те полчаса, которые были ему нужны, чтобы вернуть контроль над телом после двухдневной неподвижности. Яд септора все еще напоминал о себе внезапным ознобом, но халруджи чувствовал – силы возвращались. Он собирался пройти по лагерю Даррена уверенно, как победитель, а не как покусанный змеями и заплутавший в жизни драган.

Наемники до бесконечности долго устанавливали палатки, разгружали животных и выставляли постовых. Но в пустыне все иллюзорно, особенно время. Прошло не больше часа, когда керхи, сторожившие обозы, отправились за похлебкой, густой запах которой давно беспокоил обоняние Арлинга.

Первый шаг был трудным, но перекатившись под обоз, Регарди почувствовал себя лучше. С каждой минутой руки и ноги обретали былые силу. Он сделал несколько глубоких вдохов, наслаждаясь ароматом свободы. Не приправленный запахами клопов, зерна и пыльной мешковины, ночной воздух казался сладким и бодрящим. Ему повезло. Повозку оставили во внешнем кругу лагеря, значит, ему не придется пробираться через наемников, рискуя столкнуться с теми, кто запомнил его во дворце Гильдии.

Над всем лагерьм витал плотный, дразнящий запах соли. Арлинг знал, что берега реки были усыпаны белым порошком, а на дне русла вились причудливые ветки кристаллов. Караванщики часто разбивали здесь лагерь, чтобы наполнить бурдюки в несоленых ключах, бивших в овраге у излучины Холустая. Впадая в реку, драгоценная жидкость превращалась в рассол, становясь частью мертвого пейзажа. Соленая вода была прохладной и легко держала тело. По пути домой караван Сейфуллаха тоже останавливался у ключей. Тогда Регарди купался в реке всю ночь, представляя, что парил в звездах. Сейчас он многое бы отдал, чтобы вспомнить те ощущения. Но счастье повторяется редко.

Пропустив сквозь пальцы уже остывший песок, халруджи принялся считать. В десяти саях от обоза стояла пустая керхийская

палатка с двумя наемниками у входа. Керхи были молоды, словно месяц в небе. От них пахло терпким аракосом и материнской любовью. Взрослые керхи-воины одевали в походы одежду, добытую при грабеже первого каравана. Для этих же мальчишек все было сшито заботливыми керхийками из домашней шерсти. Им еще предстояло показать себя в бою. Если поход на Муссаворат под знаменем Маргаджана не станет для них последним.

За керхами стояли палатки драганов. Пять шатров в два ряда. За ними начинались пески, в которых была спрятана тропка, выходящая на старый тракт земли Сех. Это был самый короткий путь в Самрию. Из-за набегов кочевников и частых самумов купцы ходили другой дорогой, но Сейфуллах спешил и не мог тратить сорок дней на путь до порта. Если Арлинг хорошо знал своего господина, то они встретятся скоро.

Между тем, драганы играли в кости, дурачились и задирали керхов. Они не были похожи на людей, готовых отдать жизни при штурме города. Арлинг вспоминал Гасана и ребят из охраны Сейфуллаха. Каждый раз перед переходом через Земли Керхов, кучеяры волновались, мало ели, рано ложились спать, много молились. Или все дело было в том, что драганы и кучеяры по-разному относились к смерти? Первые над ней смеялись, а вторые ждали всю жизнь и готовились, как к дорогому гостю.

Собравшись, Арлинг прогнал тревожные мысли. Пусть его голову заполнит ночной песок и ничего больше.

Самым сложным было преодолеть сторожевой строй по внешнему кругу лагеря. Пересчитывая патруль, Арлинг впервые задумался о том, что не чувствовал нарзидов, которых Даррен увел из города. Он много раз тщательно вслушивался, но их гортанная речь нигде не была заметна. Либо Даррен успел от них избавиться, либо они шли отдельным караваном.

Халруджи неслышно проскользнул мимо молодых керхов – они были ему неинтересны. А вот драган, подошедший отлить к кусту чингиля, стал хорошей добычей. Арлинг затащил его в пустую палатку и, сняв с наемника верхний халат и тюрбан с головным платком, закопал спящее тело в песок, оставив снаружи голову. Он уже